

КАРИМ Восток – Консорциум прикладных исследований по международной миграции

Финансируется совместно с Европейским Союзом

Модели интеграции мигрантов в современной России

Владимир Ионцев

Ирина Ивахнюк

Научно-исследовательский отчет 2013/12

КАРИМ-Восток
Создание исследовательского центра по миграционным процессам и
миграционной политике на востоке Европы

Научно-исследовательский отчет

КАРИМ-Восток RR 2013/12

Модели интеграции мигрантов
в современной России

Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк

© 2013, Европейский университетский институт
Исследовательский центр имени Робера Шумана

Этот текст можно скачивать только для личных исследовательских целей. Любое дополнительное воспроизведение с другими целями, в печатном или электронном виде, требует согласия Исследовательского центра имени Робера Шумана.
Запросы следует отправлять по адресу carim.east@eui.eu

При упоминании и цитировании ссылка оформляется следующим образом:

Владимир Ионцев, Ирина Ивахнюк, Модели интеграции мигрантов в современной России, CARIM-East RR 2013/12, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.

ВЗГЛЯДЫ, ВЫРАЖЕННЫЕ В ЭТОМ ИЗДАНИИ, НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
НЕ МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ
КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Европейский университетский институт
Badia Fiesolana
I – 50014 San Domenico di Fiesole (FI)
Италия

<http://www.eui.eu/RSCAS/Publications/>
<http://www.carim-east.eu/publications/>
<http://cadmus.eui.eu>

КАРИМ-Восток – Создание исследовательского центра по миграционным процессам и миграционной политике на востоке Европы

Проект частично финансируется Европейским союзом и является первым исследовательским центром по миграционным процессам и миграционной политике. Исследования сосредоточены на восточных соседях Европейского союза и охватывают все страны «Восточного партнерства» (Беларусь, Украина, Республика Молдова, Грузия, Армения и Азербайджан), а также Российскую Федерацию.

Две основные темы проекта:

- (1) миграция из данного региона в Европейский союз (ЕС) с акцентом на странах эмиграции и транзита на восточной границе ЕС;
- (2) региональная миграция на постсоветском пространстве.

Проект был запущен 1 апреля 2011 года по совместной инициативе Европейского университетского института (ЕУИ), Флоренция, Италия (ведущее учреждение), и Центра миграционных исследований (ЦМИ) Варшавского университета, Польша (учреждение-партнер).

Исследователи КАРИМ-Восток проводят комплексный и ориентированный на выработку политики анализ широкого спектра вопросов, связанных с мобильностью людей и основными тенденциями на рынке труда к востоку от ЕС. Они также изучают возможное воздействие этих тенденций на динамично развивающееся социально-экономическое пространство шести восточных партнеров ЕС, России и Европейского союза.

В частности, КАРИМ-Восток:

- создает широкую сеть национальных экспертов из региона, которые представляют все основные дисциплины, изучающие миграцию, трудовую мобильность и вопросы национального развития (демография, право, экономика, социология, политология).
- формирует всеобъемлющую базу данных для мониторинга масштабов миграции в регионе (как потоков, так и контингентов), соответствующих законодательных изменений и государственных политических инициатив;
- совместно с экспертами из региона, проводит систематические и специальные исследования новых миграционных вопросов на региональном и национальном уровнях;
- предоставляет ученым из региона возможность принимать участие в семинарах, проводимых ЕУИ и ЦМИ, а также возможность участвовать в программах академического обмена для аспирантов;
- предоставляет площадки, на которых национальные и международные эксперты могут взаимодействовать с политиками и чиновниками, а также с другими заинтересованными лицами из упомянутых стран.

Ознакомиться с результатами деятельности проекта можно на его вебсайте: <http://www.carim-east.eu/>

За дополнительной информацией обращайтесь:

CARIM-East
Robert Schuman Centre for Advanced Studies (EUI)
Convento
Via delle Fontanelle 19
50014 San Domenico di Fiesole
Italy
Тел.: +39 055 46 85 817
Факс: + 39 055 46 85 770
Email: carim.east@eui.eu
Исследовательский центр имени Робера Шумана
<http://www.eui.eu/RSCAS/>

Абстракт

Настоящее исследование носит одновременно концептуальный и прикладной характер. Авторы уделяют особое внимание определению сущности понятия интеграция мигрантов, его соотношению с понятиями ассимиляция и адаптация, вводят понятия полной и частичной интеграции. Подробно рассмотрено, как на смену игнорированию вопроса интеграции мигрантов в российской государственной миграционной политике в 1990-х и начале 2000-х гг. с большим опозданием, но все же пришло понимание того, что это тесно взаимосвязанные сферы государственной деятельности для такой страны, как Россия, которая ежегодно принимает миллионы мигрантов, постоянных и временных. Пример России четко свидетельствует, что самоустранение государства из этой сферы внутренней политики оборачивается обострением межэтнической напряженности, снижением уровня толерантности в обществе, отчуждением мигрантов со стороны российского общества, их самоизоляция, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением. Так что теперь, когда интеграция мигрантов осознана, наконец, как исключительно актуальная задача, разработка и осуществление политики интеграции осложняется тем, что она происходит на исключительно неблагоприятном фоне роста ксенофобии и общей политизированности миграционной темы. В статье подробно анализируется политика интеграции мигрантов, осуществляемая с 2007 г в отношении переселяющихся в Россию "соотечественников" - наиболее привилегированной группы иммигрантов, а также дается оценка политике адаптации временных трудовых мигрантов в свете последних государственных инициатив 2012 года. Кроме того, авторы рассуждают об интеграционном и анти-интеграционном потенциале этнических диаспор в условиях, когда – как это имеет место в современной России – официальная инфраструктура приема и интеграции мигрантов не имеет должного развития.

Abstract

The work here is of both a theoretical and an applied character. The authors pay particular attention to understanding what the *integration of migrants* means and how it corresponds to the terms *assimilation* and *adaptation*. They also offer a classification of *complete* and *partial* integration. For Russia, the paper retraces how the disregard of migrant integration in the 1990s and the first half of the 2000s was gradually replaced – after a delay – by an understanding that these were closely interrelated spheres of State activities. This was particularly true for a country like Russia, which annually receives millions of migrants, both for permanent and temporary stays. The experience of Russia clearly demonstrates that the dissociation of the State from this important sphere of internal policy leads to ethnic tension, erosion of tolerance in society, alienation of migrants from Russian society, self-isolation, and open conflicts between migrants and local residents. Therefore, now that the integration of migrants has been understood to be an important issue in Russia, the elaboration and realization of the policy of integration of migrants is complicated by an extremely unfavorable atmosphere of xenophobia and a politically-loaded perception of migration. The Russian policy of migrant integration is evaluated in respect of the most privileged category of immigrants: Russian “compatriots”. The adaptation policy of temporary labour migrants is analyzed in the context of the Russian State’s 2012 initiatives. The authors also argue out the integration and the anti-integration potential of ethnic diasporas when – as in present-day Russia – the infrastructure for the admission and integration of migrants has not been properly developed.

Введение

Понятие интеграции мигрантов как процесса их "вхождения" в социум стран иммиграции, их адаптации и последующей приживаемости в этом обществе является относительно новым: оно стало предметом широкой общественной дискуссии и государственной политики в европейских странах в последней трети XX века. А в последнее десятилетие, в условиях все возрастающего миграционного притока, споры вокруг различных моделей интеграции мигрантов, их последствий для принимающего общества и самих мигрантов, приобрели особую остроту.

Представляется, что отсутствие четкого понимания сущности интеграции мигрантов и классификации составляющих ее элементов стало одной из причин объявленных неудач политики интеграции мигрантов, осуществлявшейся в последние десятилетия в странах Европы, так что в какой-то момент европейцы стали избегать сам термин "интеграция", заменив его другим термином – "инклюзия" / "включение", а в конце 2000-х гг. признали полный крах применявшейся в большинстве европейских государств модели политики мультикультурализма.

Поиск новых моделей интеграции мигрантов в принимающих странах происходит в непростых условиях, когда, с одной стороны, объективно возрастает иммиграционный приток, который стимулируется потребностями рынка труда, а с другой стороны, возрастают анти-иммигрантские настроения в обществах, не сумевших адаптироваться к прежним волнам иммигрантов (Massey and Sanchez 2010).

Для России – крупнейшей принимающей мигрантов страны на постсоветском пространстве – концептуальная дискуссия о политике интеграции мигрантов имеет особое значение. В-первых ее опыт в области управления процессами международной миграции относительно невелик и до недавнего времени интеграция мигрантов вообще не рассматривалась как составляющая часть миграционной политики. Во-вторых, ныне, когда интеграция мигрантов осознана, наконец, как исключительно актуальная задача, разработка и осуществление политики интеграции осложняется тем, что она происходит на исключительно неблагоприятном фоне роста ксенофобии и общей политизированности миграционной темы.

Мы ставим целью нашего исследования разработать концептуальную основу политики интеграции в конкретных условиях современной России, предложив определение интеграции и классификацию механизмов политики интеграции, которые могут быть уместны для применения в современной России, и – что еще более важно – разработать типологизацию групп мигрантов, которые могут и должны быть объектом государственной политики интеграции. Очевидно, что разная глубина интеграции предполагается для мигрантов, которые приезжают в Россию для постоянного проживания, и временных трудовых мигрантов. Однако, по нашему убеждению, помимо этого, принципиально важно проводить различия между (а) мигрантами из государств "нового, или ближнего" и "старого" зарубежья; (б) среди мигрантов из "нового" зарубежья – между мигрантами, более близкими в этническом и конфессиональном отношении (мигранты с российскими корнями, украинцы, белорусы, молдаване) и менее близкими (представители титульных национальностей Центральной Азии и Закавказья); (в) среди мигрантов с российскими корнями – между теми, кто относительно недавно, незадолго до распада СССР, уехали из России, и теми, кто давно укоренились в других странах, (г) среди мигрантов, представляющих титульные нации других стран СНГ – те, кто считают себя частью своих диаспор, проживающих на территории Российской Федерации, и те, кто не примыкают к диаспоре, и т.д. Особый интерес представляет также анализ того, как развивалась в современной России политика интеграции мигрантов в рамках государственной миграционной политики и как, в частности, она проявилась в формате государственной политики в отношении содействия переселению в Россию соотечественников, являющихся особой, приоритетной категорией иммигрантов.

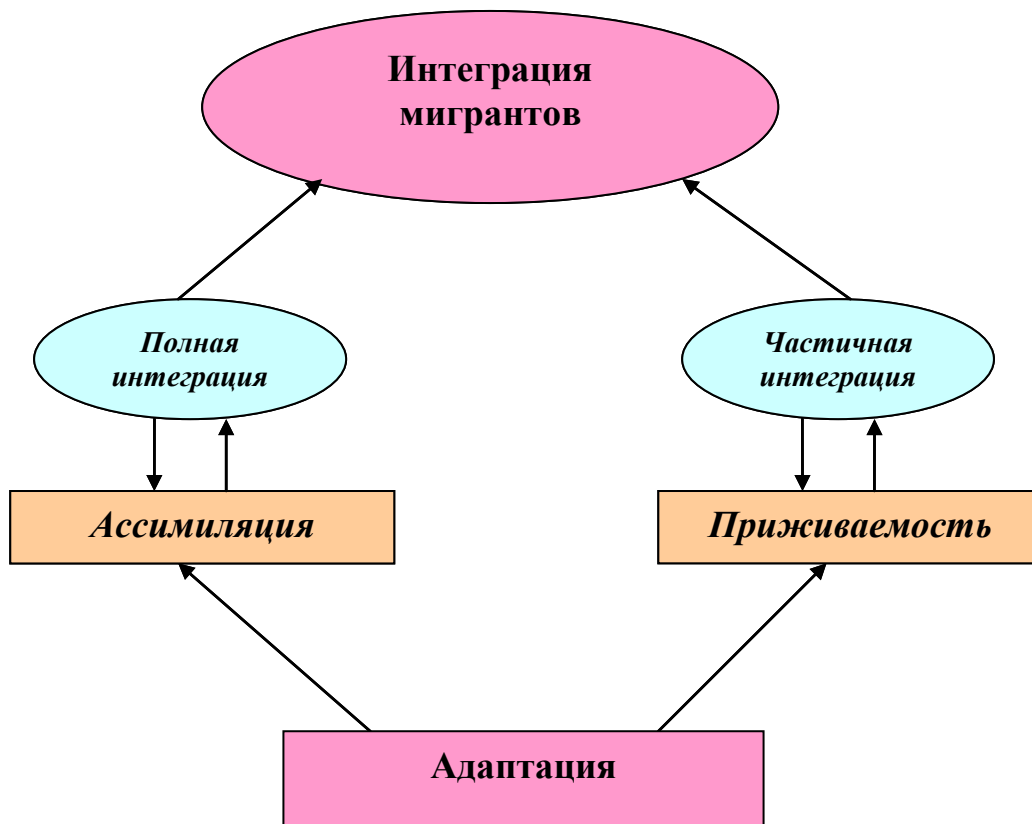
Но, прежде чем перейти к рассмотрению различных моделей интеграции мигрантов в России, хотелось бы остановиться на понятийном аппарате, разъясняющем сущность и сложную структуру понятия "интеграция мигрантов".

Понимание интеграции мигрантов – понятийный аппарат

В целом, интеграция может быть разделена на *полную интеграцию*, базирующуюся на ассимиляции мигрантов, и *частичную интеграцию*, включающую в себя процессы адаптации и приживаемости. Классификация терминов, обозначающих различную степень интеграции мигрантов, представлена на рис. 1.

Под *ассимиляцией* мигрантов понимается процесс, в ходе которого мигранты, отличающиеся от населения страны пребывания по ценностным ориентациям, традициям и культуре, трансформируют свою самоидентификацию, приспосабливаясь к окружающему социуму, вплоть до полного отказа от ощущения своей самобытности. Процесс ассимиляции может иметь как универсальный, так и частичный характер. Например, при ассимиляции народ может утратить свой язык, самоназвание, традиционную структуру деятельности, но сохранить религиозные верования, некоторые бытовые традиции (о чем свидетельствует, в частности, история создания американской нации). Ассимиляция мигрантов проявляется в социальном, экономическом, политическом и даже демографическом аспектах - демографическое поведение ассимилировавшихся мигрантов (модели брачности и рождаемости) становится близким, если не идентичным, поведению, характерному для окружающего общества в целом.

Рис. 1. Классификация терминов, обозначающих различную степень интеграции мигрантов

Существенным фактором ассимиляции являются межэтнические браки (межнациональные браки, образование которых лежит в основе выдвинутой нами концепции четвёртого демографического перехода) (см. Ионцев и Прохорова 2011). Вместе с тем заметим, что этническая самоидентификация детей, рожденных в таких браках, во многом зависит от этнической принадлежности супруга-лидера, а также ряда конъюнктурных факторов (например, политики в отношении этнических меньшинств, осуществляемой в данной стране) (Топилин 2010).

Ассимиляция может происходить естественным и насильственным путем.

Естественная ассимиляция – следствие объективных процессов экономического и политического сближения территорий (отдельных регионов и целых государств) и народов, давших мощный импульс их культурному сближению (например, развитие интеграционных процессов внутри Европейского Союза). Естественная ассимиляция характерна и для мигрантов, которые на своей новой родине вливаются в состав коренного населения, постепенно растворяясь в нем.

Принудительная (насильственная) ассимиляция – это проявление определенной государственной политики, имеющей целью уничтожение того или иного этноса как самостоятельной единицы, но не физическим способом. В качестве инструментов насильственной ассимиляции используются: ограничение сферы применения национального языка с последующим полным его изъятием из обращения; искоренение национальных традиций (запрет на празднование национальных праздников, исполнение обрядов); насаждение несвойственных народу видов деятельности и др. Такая политика зачастую деформирует систему ценностей обоих народов, провоцирует сопротивление ассимилируемого народа, его стремление к этнической замкнутости, искусственное "выпячивание" его отличительных черт.

Насильственная ассимиляция – потенциальный источник межэтнических конфликтов. Насильственную ассимиляцию необходимо отличать от вынужденной, которая характерна, например, для мигрантов в развитые страны Запада, где быстрая ассимиляция приезжих является существенным условием их успешной социальной и экономической адаптации.

Один и тот же народ может сам активно ассимилировать другие народы (так, русские ассимилировали многочисленные финские и тюркские племена), но в отдельных случаях, особенно при проживании небольшими группами на территории традиционного расселения других народов, может стать объектом ассимиляции.

Усиление ассимиляции происходит в период стабильной общественной жизни. И наоборот, экономическая и социальная нестабильность серьезно препятствует процессам ассимиляции. Так, в современной России развитие процессов ассимиляции очевидно тормозится получившими распространение межэтническими конфликтами и нарастанием в обществе антииммигрантских настроений.

Если говорить о **частичной интеграции** мигрантов (и здесь речь идет прежде всего о временных трудовых мигрантах), необходимо обозначить два таких понятия, как **адаптация** и **приживаемость**. Собственно, именно с адаптации, под которой мы понимаем процесс приспособления человека к новым для него условиям жизни и труда, начинается процесс интеграции. В свою очередь, приживаемость мигрантов можно определить как явление, которое складывается, с одной стороны из адаптации, а с другой стороны, из приспособления условий жизни к потребностям мигрантов, что можно определить как их обустройство на новом месте. По сути речь идёт о процессе достижения мигрантами уровня благосостояния коренных жителей. Как правило, для обустройства необходимо время, порой достаточно длительное, чем время, нужное для адаптации, без которой приживаемость также недостижима, как и без обустройства.

Очевидно, что *интеграция представляет собой совокупность действий и убеждений как иммигрантов так и коренных жителей*; действия последней группы особенно важны, так как они определяют и оказывают сильное влияние на условия приема иммигрантов и структурные условия их проживания и тем самым направляют национальную идентификацию иммигрантов либо в русло интеграции либо в противодействующее русло, т.е. нежелание интегрироваться.

Итак, важно подчеркнуть, что *интеграция мигрантов – это двусторонний процесс, направленный на ассимиляцию и приживаемость мигрантов в принимающем обществе, что может способствовать как экономическому так и демографическому развитию самого этого общества*. Речь идёт не только об отношении принимающего общества к мигрантам, но и о желании мигрантов интегрироваться в это общество. Нарушение этой двусторонности делает невозможной полную интеграцию мигрантов в принимающее общество. Ярким примером такого нарушения стали заявления европейских лидеров Ангелы Меркель и Дэвида Кэмерона о "крахе политики мультикультурализма" в Европе. При этом главными виновниками этого краха были обозначены сами мигранты, не сумевшие или не пожелавшие признать европейские нормы и ценности. Но возникает вопрос, а как мигранты, в частности, мигранты из арабского мира, могли интегрироваться в западное общество, если в отношении них фактически проводилась политика создания мигрантских анклавов, т.е. изолированных от коренного населения районов компактного проживания мигрантов? К сожалению, следует признать, что Россия в определенном смысле повторяет печальный опыт западных стран, не препятствуя формированию примерно таких же анклавов в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах, и тем самым вольно или невольно создает препятствия для полной интеграции мигрантов.

Вопрос интеграции мигрантов в миграционной политике России

Интеграция мигрантов как предмет государственной политики является относительно новым вопросом для современной России, хотя определенный исторический опыт в этой сфере имеется.

В советское время миграция населения была почти исключительно внутренней миграцией. В условиях многонациональной страны она сопровождалась "перемешиванием народов" и этот процесс происходил относительно безболезненно. Одним из важных направлений государственной политики было воспитание интернационализма: понятие "советский народ" было наполнено реальным смыслом, который обеспечивался общностью языка, едиными программами школьного образования по всей стране, равенством прав и условий жизни для всех граждан. При всей жесткости советской политической системы государством обеспечивались условия для социально-экономической интеграции мигрантов в местах вселения (обеспечение работой, жильем, возможностью получения образования самими мигрантами и их детьми и т.д.).

После распада Советского Союза ситуация кардинально переменилась. Политика в области внутренней миграции населения в России была свернута, а политика в области международной миграции концентрировалась на создании принципиально нового законодательства и институциональной структуры и понималась достаточно узко - как административно-правовое регулирование миграционных процессов.

В 1990-х гг., несмотря на масштабный приток мигрантов из бывших советских республик, политика интеграции мигрантов фактически не проводилась. В государственных документах миграционной политики об интеграции мигрантов, переселяющихся в Россию, речи тогда не шло. Этому были причины. Первоначально миграционный приток в Россию (достигавший в отдельные годы 1 млн. чел. в год!) состоял из этнических русских и представителей других коренных этносов России, которые волею обстоятельств проживали к моменту распада на территории других советских республик. Считалось, что близкие в этническом отношении

мигранты не нуждаются в обеспечении им специальных условий для социально-психологической адаптации (изучение русского языка, знакомство с русской культурой, историей и т.д.), а условия для социально-экономической интеграции мигрантов (прежде всего обеспечение работой и жильем) были крайне ограничены из-за переживаемого тогда Россией глубокого экономического кризиса. Даже когда в начале 2000-х гг. значительную долю в миграционных потоках, направленных на Россию, стали занимать представители титульных наций стран СНГ, политика интеграции мигрантов не стала частью миграционной политики. Об этом свидетельствует, в частности, Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, утвержденная в 2003 г. в которой вопросы интеграции мигрантов не упоминаются вовсе. Вместе с тем заметим, что именно в 2000-е годы термин "интеграция" получает развитие в российской научной литературе (см., например, Мукомель 2005, 2007; Пядухов 2003; Аствацатурова 2002).

Игнорирование политики интеграции мигрантов обернулось в результате снижением уровня толерантности в обществе, ростом межэтнической напряженности, отчуждением мигрантов со стороны российского общества, их самоизоляцией, открытыми конфликтами между мигрантами и местным населением. Стало совершенно очевидно, что в условиях массового притока мигрантов, даже из исторически близких государств "нового зарубежья", политика их интеграции должна быть неотъемлемым элементом миграционной политики. Это признано и в новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г., утвержденной в июне 2012 г. Перед Федеральной миграционной службой России поставлена задача разработки и апробации конкретных программ в области обеспечения интеграции мигрантов в российское общество; в структуре ФМС создано Управление по содействию интеграции мигрантов, к 2016 г. должна быть создана "инфраструктура для интеграции и адаптации трудовых мигрантов".

Однако для того, чтобы политика интеграции мигрантов была эффективной, необходимо четкое понимание того, что такое интеграция, какими инструментами она может осуществляться в отношении разных групп мигрантов, какова численность и специфика этих групп, их социальное, экономическое и демографическое поведение и т.д. Иными словами, политика интеграции должна опираться на надежную информационную и концептуальную основу, которой в России пока нет.

В современной России исследования, связанные с интеграцией мигрантов, имеют пока небольшую историю. Имеющаяся государственная статистика по международным мигрантам предоставляет очень мало данных для того, чтобы обоснованно оценить их интеграцию в российское общество¹. Социологические обследования по этой теме² немногочисленны, не всегда репрезентативны, в целом фрагментарны и не позволяют системно оценивать процесс интеграции мигрантов, как и не дают целостного представления о том, какие механизмы интеграции уже действуют в России и как они могут быть использованы/адаптированы/дополнены мерами государственной политики для того, чтобы интеграция мигрантов действительно была эффективной.

¹ Например, во Всероссийской переписи населения 2010 г. было сформулировано несколько вопросов о языке: о владении русским языком, иными языками, о родном языке. Однако ответы на эти вопросы не дают возможности составить представление о роли родного языка в повседневной жизни респондента, а также о степени владения как русским, так и другими языками (<http://www.perepis-2010.ru/news/11.jpg>). Так что информация о важнейшем факторе интеграции мигрантов, каким является знание и использование языка страны иммиграции, данными российской переписи не раскрывается, в отличие, например, от переписей США, которые дают информацию о степени владения английским языком с учетом распределения лиц, родившихся за рубежом по возрасту, полу, расовой принадлежности, гражданству, году прибытия в США, месту рождения, уровню образования (www.census.gov/hhes/socdemo/language/data/acs/ACS-12.pdf)

² Проведенные в последние годы в России социологические обследования мигрантов, касающиеся вопросов их интеграции, упомянуты в: Мукомель 2011, Тюрюканова 2011, ЮНИСЕФ 2011.

Для понимания того, как происходит процесс интеграции мигрантов и происходит ли он вообще, какова его глубина для разных категорий мигрантов, необходима информация по достаточно обширному перечню показателей, характеризующих степень вовлеченности мигрантов в разные сферы общественной жизни, а также сравнительный анализ коренного населения и мигрантов по таким ключевым показателям как положение на рынке труда, доступность образования, участие в общественно-политической жизни, противодействие дискриминации и т.д. Как известно, в международной практике такая информация для трех десятков государств (стран Европейского Союза, Норвегии, Швейцарии, США, Канады) рассчитывается через индекс MIPEX (Migrant Integration Policy Index), который позволяет оценить национальную политику содействия интеграции мигрантов и позволяет провести сравнительный анализ (Huddleston et al 2011). В России, как сказано выше, получение такой информации - дело будущего.

Ситуация осложняется тем, что разработка и осуществление политики интеграции мигрантов будет происходить на фоне уже укоренившегося негативного отношения к мигрантам³ и общей политизированности миграционной темы в России. В обществе отсутствует консенсус относительно миграционной стратегии России, более того, происходит поляризация взглядов политиков и общественного мнения на то, стоит ли России привлекать мигрантов для решения ее демографических и экономических проблем или приток иммигрантов следует жестко ограничивать (Мукомель 2011). Миграционная тема стала разменной картой в политической борьбе, что имеет своим результатом распространение ксенофобии через СМИ, выступления публичных политиков, молодежную субкультуру и т.д. Формирование на этом фоне политики интеграции мигрантов, которая, как говорилось выше, подразумевает совместное, двустороннее движение мигрантов и коренных жителей навстречу друг другу для поддержания гражданского мира, является непростой задачей. Однако пример России четко свидетельствует, что самоустранение государства из этой сферы внутренней политики провоцирует обострение ксенофобии и межэтнических столкновений.

В условиях отсутствия или слабости государственной политики интеграции мигрантов функции по адаптации и интеграции мигрантов берут на себя негосударственные структуры. Это институты гражданского общества, правозащитные организации, оказывающие мигрантам разного рода консультационные и юридические услуги, рабочие коллективы, ассоциации мигрантов, диаспоры, этнический бизнес. Наконец, это теневые структуры, в немалой степени способствующие тому, что миграция в Россию (прежде всего временная трудовая миграция) носит в подавляющей своей части нерегистрируемый / нелегальный характер.

Несмотря на некоторый рост внимания со стороны государства в теме интеграции мигрантов в самые последние годы, слабой стороной политики интеграции в России остается отсутствие инструментов согласования интересов различных ее субъектов: органов государственной власти разных уровней, включая органы местного самоуправления, неправительственных организаций, работодателей, иных бизнес-структур, диаспор, ассоциаций мигрантов.

³ Согласно обследованиям авторитетного Аналитического Центра Юрия Левады, в течение 2000-х гг. доля тех российских граждан, которые положительно воспринимают шовинистический лозунг "Россия для русских!" устойчиво превышает 55%, а тех, кто осознают, что "это настоящий фашизм", становится все меньше - 19% в 2011 г. по сравнению с 28% в 2002 г. (<http://www.levada.ru/14-12-2012/>)

Политика в отношении возвращающихся соотечественников

Мы рассмотрим, в первую очередь, политику интеграции мигрантов в России на примере особой, наиболее "привилегированной" категории мигрантов – российских "соотечественников", переселяющихся из-за рубежа в Россию.

Под "соотечественниками" российское законодательство понимает (1) российских граждан, постоянно проживающих за пределами территории Российской Федерации, (2) не имеющих российского гражданства лиц, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, (3) выходцев из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, ставших гражданами иностранного государства, и их потомков, (4) лиц, состоявших в гражданстве СССР и ныне проживающих в государствах, входивших в состав СССР, и получивших гражданство этих государств или ставших лицами без гражданства, и их потомков. Важным фактором признания своей принадлежности к соотечественникам вышеуказанными лицами является их самоидентификация, подкрепленная общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, иными словами, свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией.

Следует отметить, что после распада СССР российская зарубежная диаспора оказалась одной из самых многочисленных в мире, прежде всего из-за того, что в странах "нового" зарубежья (бывших советских республиках) оказалось почти 40 млн. человек, для которых Россия являлась исторической родиной. Среди них 25 млн. — это этнические русские, 11 млн. — нерусское русскоязычное население, около 1,5 млн. — представители народов России, считающих родным язык своей национальности (татары, башкиры, удмурты и др.). На начало 2010 г. более 12 млн. (из которых около 7,5 млн. составили русские) вернулись в Россию. Таким образом, российская диаспора в странах "нового" зарубежья, хотя и сократилась, представляет собой значительную величину в 28 млн. человек.

Подавляющее большинство русского и русскоязычного населения в странах "нового" зарубежья сконцентрировано в Украине, Казахстане, Беларуси и Узбекистане, на которые еще до распада Советского Союза приходилось свыше 4/5 русского населения, проживавшего на территории СССР, но вне Российской Федерации.

В странах "дального" зарубежья российская диаспора превышает, по ряду оценок, 22 млн. человек, из них 2/3 проживают в США и Канаде. Еще не менее чем в 25 странах мира численность лиц с российскими корнями превышает 10 тыс. человек. Помимо Германии и Израиля, куда направлялись многочисленные миграционные потоки из России после либерализации свободы выезда в 1991 г., это Великобритания, Австралия, Аргентина и др. (Космарская 2003)

На российскую зарубежную диаспору возлагается надежда на ее содействие духовному, экономическому политическому и демографическому возрождению России. Демографический ресурс соотечественников, проживающих за рубежом, приобретает вполне конкретный смысл в связи с переживаемым Россией в последние 20 лет серьезным демографическим кризисом, связанным с быстрой убылью численности населения.

Надо подчеркнуть, что и в царской России, и особенно в советской России отношение к эмигрантам всегда было настороженным и даже враждебным, и это отношение отчасти сохранилось даже тогда, когда выезд из страны стал свободным. Таким образом, потребовался определенный перелом в сознании общества (и прежде всего законодателей) для того, чтобы выехавшие прежде в эмиграцию люди были признаны соотечественниками, которым гарантируется самый благожелательный прием и поддержка по возвращении в Россию.

Впрочем, это никак не относилось к находившимся в странах "нового" зарубежья соотечественникам, отъезд которых из России на работу в другие союзные республики чаще всего приходился на память всего лишь одного поколения.

Именно положение соотечественников, оказавшихся в положении притесняемого меньшинства в государствах СНГ и Балтии, стало причиной принятия в 1990-х гг. ряда законодательных актов, нацеленных на взаимодействие с этой частью российской диаспоры⁴. Фактически государственная политика по отношению к российской диаспоре в странах "нового" зарубежья была направлена на облегчение их положения в странах проживания и приостановление процесса переселения соотечественников в Россию. Именно в этом контексте используется в этих документах термин "интеграция". Так, в приложении к постановлению Правительства РФ № 1064 термин "интеграция" применяется в списке мер, имеющих своей целью "содействие *добровольной интеграции* российских соотечественников в ближнем зарубежье в политическую, социальную и экономическую жизнь новых независимых государств", а также "предотвращение их массового исхода" из этих государств.

Только в "Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 гг.)" четко указывается на необходимость "разработки комплекса мер по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников из государств-участников СНГ и стран Балтии, в том числе предоставление необходимой информации об условиях переезда, возможностях приема, обустройства и проживания в Российской Федерации, развитие системы оказания образовательных услуг на территории Российской Федерации для молодежи из государств-участников СНГ и стран Балтии".⁵

Однако реализация политики в отношении соотечественников и в 1990-х гг. и вплоть до конца 2000-х гг. была непоследовательной и противоречивой. Достаточно сказать о прекращении с 31 января 2001 г. упрощенного порядка приобретения российского гражданства лицами, оказавшимися на момент распада Советского Союза на территории других союзных республик, или о принятии в 2002 г. Федерального закона "О гражданстве Российской Федерации" и Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан", которые уравнивали в правах на получение российского гражданства лиц, имеющих российские корни и выехавших из России, скажем, в конце 1980-х гг., и любых иных иностранцев, въезжающих в Россию.

Историческим нонсенсом является то, что термин "интеграция", впервые примененный в российском законодательстве в отношении соотечественников, остающихся в странах "нового" зарубежья с целью притормозить их возвращение в Россию, впоследствии оказался на долгие годы не востребовавшимся в отношении прибывающих в Россию мигрантов. И именно из-за игнорирования политики интеграции мигрантов, в том числе и переезжающих в Россию соотечественников, многократно сократился миграционный приток, а отнюдь не из-за того, что недостаточно эффективно происходила "интеграция" бывших российских граждан "в политическую, социальную и экономическую жизнь новых независимых государств".

⁴ Указы Президента Российской Федерации от 11 августа 1994 г. № 1681 "Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом", от 14 сентября 1995 г. № 940 "Об утверждении стратегического курса Российской Федерации с государствами - участниками Содружества Независимых Государств", постановления Правительства Российской Федерации от 31 августа 1994 г. № 1064 "О мерах по поддержке соотечественников за рубежом", от 17 мая 1996 г. № 590 "О программе мер по поддержке соотечественников", Федеральный закон РФ от 5 марта 1999 г. "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом".

⁵ Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003-2005 гг.). разд. 6.3. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2003 г. № 1163-р.

Принятие в 2006 г. Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа явилось, хотя и запоздалым, но очень важным шагом в сторону повышения миграционной привлекательности России и одновременно - создания государством реальных условий интеграции переселенцев. Государство берет на себя предоставление информационных, консультационных и юридических услуг, гарантию трудоустройства, содействие в переобучении, оплату проезда и провоза багажа, выплату подъемных, получение в течение нескольких месяцев российского гражданства и все связанные с этим социальные гарантии.

Изначально Государственная программа была рассчитана на 6 лет (2007-2012 гг.) и оптимистично предполагала переселение в Россию ежегодно 300 тыс. чел. исторически и этнически близких России людей. Однако ограничения на определение мест вселения для переселенцев, отсутствие помощи со стороны государства в отношении обзаведения жильем, налоговая дискриминация⁶ и бюрократические проволочки имели своим результатом несравненно более низкие показатели переехавших в Россию в качестве участников программы. Реально за пять лет с 2007 по 2011 г. в Россию переселились в качестве участников программы 55 тыс. чел., в то время как общий иммиграционный приток за эти годы составил 1,3 млн. чел.⁷

Такие результаты вынудили власти пересмотреть условия программы в сторону снижения административных барьеров для ее участников. С 1 января 2013 г. программа становится бессрочной. Въезжающие по программе соотечественники не будут столь жестко как прежде привязаны к "территориям вселения", они вправе самостоятельно трудоустроиваться, снимаются ограничения на право заниматься собственным бизнесом и т.д. Российские регионы, которые участвуют в программе, получают большую самостоятельность в разработке региональных проектов развития (например, промышленный, агропромышленный или образовательный кластер), под которые они могут формировать запрос на людей конкретных специальностей, который будет удовлетворен за счет иммигрантов-соотечественников. Все это создает важные условия для успешной интеграции переселенцев в российское общество.

И все же напрашивается невольная историческая аналогия. Россия в лице бывшего СССР уже имела печальный опыт, когда сразу после смерти Сталина в 1953 г. и осудившего прежнюю политику XX съезда КПСС многие ее соотечественники потянулись к ней в надежде вернуться, или, по крайней мере, получить возможность въезда в СССР для общения с родными и друзьями, для установления деловых контактов и др. Тогда СССР повернулся к ним спиной, продолжая рассматривать потенциальных ре-эмигрантов "нежелательными элементами", не пожелал протянуть им руку друга и партнера, и тем самым лишил себя если не экономической, то огромной политической поддержки, обострив и без того набирающую силу "холодную войну".

Этот горький урок должен быть осмыслен. В настоящее время Россия находится в крайне сложном экономическом и демографическом положении, и любая доброжелательная помощь со стороны зарубежных соотечественников была бы очень полезной. Но чтобы привлечь этих людей, привлечь их знания и капиталы, их духовность и политический вес для возрождения сильной, экономически и политически независимой России необходимо коренным образом изменить свое отношение к ним, признать их неотделимой и равноправной частью России, признать свои ошибки и несправедливость прошлых лет.

⁶ Изначально переезжающие в Россию участники Программы должны были платить подоходный налог как нерезиденты - 30%, в то время как для российских граждан ставка подоходного налога составляет 13%. Только с 2011 г. участников Программы с момента приезда уравнивали с налоговыми резидентами РФ, определив для них подоходный налог в 13%.

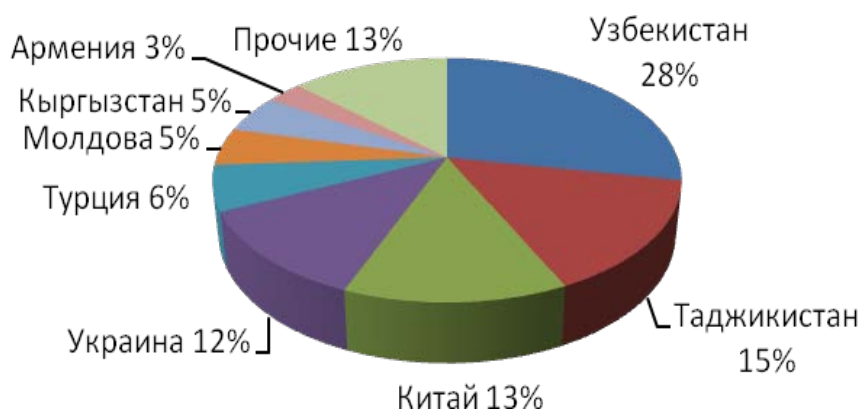
⁷ Данные ФМС России.

Первое, что нужно сделать, это максимально упростить процедуру получения российского гражданства всеми желающими российскими соотечественниками, узаконив элемент двойного гражданства. Это, в частности, особенно важно для тех, кто не собирается переезжать в Россию, но готов сотрудничать и представлять интересы России в странах своего постоянного проживания. Здесь тема интеграции выходит за рамки число миграционного аспекта, представляя собой более широкий политический контекст.

Политика адаптации временных трудовых мигрантов

Наиболее многочисленный отряд мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию – это временные мигранты, прибывающие с целью трудоустройства. В 2011 г. иностранным гражданам было оформлено 1,2 млн. разрешений на работу, из которых 80% были выданы гражданам стран СНГ. Кроме того, выдано 810 тыс. патентов гражданам стран СНГ на право трудоустройства в России у физических лиц. На рис. 2 представлена структура привлекаемой в Россию иностранной рабочей силы по странам выезда. Как видно, почти 2/3 ежегодно выдаваемых в России разрешений на работу приходится на граждан центрально-азиатских государств (Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан).

Рис. 2. Структура привлекаемой в Россию иностранной рабочей силы, по странам выезда, 2011 г., % (по числу выданных разрешений на работу)

Источник: Данные ФМС России

Как говорилось выше, интеграция временных мигрантов – это частичная интеграция, чаще всего ограничивающаяся адаптацией мигранта к новым для него условиям жизни и работы. Важным условием успешной адаптации трудового мигранта является его легализация, т.е. постановка на миграционный учет и получение предусмотренным законом разрешительных документов (разрешения на работу или патента). Легализовав свое пребывание в России, трудовой мигрант получает определенные права, которые способствуют его интеграции в российское общество.

Проблема заключается в том, что уже на этом этапе – легализации – значительная часть прибывающих в Россию трудовых мигрантов выпадает из правового поля, не узаконив свое пребывание в стране. По оценкам, 70-80% трудовых мигрантов работают в России нелегально, не получая разрешение на работу и не оформляя трудовых отношений с работодателем. Иными словами, реальное число трудовых мигрантов, находящихся в России, может достигать 5-6 млн. чел.

Столь значительный масштаб нелегальной иммиграции, помимо благоприятных условий безвизового въезда (во многих случаях по "внутренним" национальным паспортам) и слабого иммиграционного контроля в России, связан также с неразвитостью официальной

инфраструктуры трудовой миграции, т.е. комплекс государственных и негосударственных сервисных институтов, обеспечивающих легитимность, информированность и безопасность мигрантов на разных этапах миграции (информационно-консультационные центры, услуги по трудоустройству, юридические услуги и т.д.). А ведь именно эти сервисы являются необходимым условием вхождения трудового мигранта в легальный (не теневой!) рынок труда, а значит, его интеграции в России на время пребывания.

Особую актуальность вопросу интеграции временных трудовых мигрантов придает тот факт, что приезжающие на работу в Россию, скажем, из государств Центральной Азии – это уже не жители городов, изучавшие русский язык в школе, как это было еще в начале 2000-х гг., а преимущественно сельские жители, которые русский язык на родине не изучали (Мукомель 2011). В настоящее время более 20% граждан стран СНГ, приезжающих работать в Россию, вообще не владеют русским языком; 50% не в состоянии самостоятельно заполнить самую простую анкету (Зайончковская и Тюрюканова 2010).

Знание языка страны пребывания является, пожалуй, самым главным условием адаптации мигранта к окружающей среде. Знание русского языка дает возможность получения информации о правилах трудоустройства в России, увеличивает шансы получения легальной работы, снижает зависимость от земляков в деле трудоустройства и обустройства, расширяет возможности контактов с местным населением, обеспечивает реализацию прав мигранта на профессиональное обучение, получение медицинской помощи и т.д.

Видимо, руководствуясь этими соображениями, в России вопрос о знании трудовыми мигрантами русского языка поставлен во главу угла политики интеграции. В соответствии с Федеральным законом № 185 от 12 ноября 2012 г., внесшим изменения в Закон о правовом положении иностранных граждан, с 1 декабря 2012 г. обязательным для трудовых мигрантов, трудоустраивающихся в сфере розничной торговли, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания, стал экзамен на базовое знание русского языка. Сдача экзамена проходит в специальных центрах (сейчас при российских и иностранных вузах действуют 160 центров, имеющих государственную аккредитацию на тестирование на знание русского языка). Сертификат, подтверждающий сдачу экзамена, является необходимым для получения и продления разрешения на работу в России. Заменой сертификата может быть иностранный документ об образовании не ниже общего среднего, который подтверждает обучение русскому языку на родине мигранта, либо документ об образовании, выданный учебными учреждениями России или СССР. Экзамен на знание русского языка не придется сдавать трудовым мигрантам из стран, где русский язык имеет статус государственного (Беларусь) и из стран-участниц Единого экономического пространства (та же Беларусь и Казахстан). В случае недостаточного знания мигрантами русского языка предполагается предоставление услуг по его обучению.

Введение экзамена на знание русского языка для временных трудовых мигрантов вызвало споры среди российских экспертов. Бесспорно, возможность изучения языка страны временного пребывания для трудящихся-мигрантов является исключительно важным условием их доступа на рынок труда, самореализации и адаптации в окружающем социуме. Но именно возможность изучения, а не обязательность сдачи экзамена в качестве условия получения разрешения на работу, особенно в условиях, когда система обучения русскому языку иностранных граждан, приезжающих работать в Россию, еще не создана. А сдача экзамена обойдется трудовому мигранту в 3-5 тыс. руб. (75-125 евро), что для еще не начавшего работу иностранного гражданина чаще всего является неподъемной суммой.

Так что, признавая важность того, что государство обращает внимание на необходимость знания русского языка трудовыми мигрантами, приезжающими в Россию, многие эксперты высказывают опасения, что в существующем виде введение этой нормы закона может на деле обернуться не условием успешной интеграции мигрантов в России, а, скорее, привести к росту коррупции и еще большему вытеснению мигрантов в сектор нелегальной занятости. Эти

опасения звучат особенно тревожно, учитывая тот факт, что, по заявлению директора ФМС России Константина Ромодановского, "к 2015 году планируется распространить эту норму на все категории трудовых мигрантов".⁸ Исключение составят лишь высококвалифицированные иностранные работники, которые представляют собой относительно малочисленный отряд трудящихся-мигрантов в России: в 2011 г. разрешения на работу получили 11.294 высококвалифицированных мигрантов.

Федеральной миграционной службой России предпринимаются и другие меры, направленные на то, чтобы приезжающие на работу в Россию трудовые мигранты могли успешнее адаптироваться в российском обществе. Публикуются памятки и путеводители для мигрантов, разъясняющие основы российского миграционного законодательства, правила постановки на миграционный учет, оформления и продления разрешения на работу и патента, пути поиска работодателя, преимущества легального трудоустройства, ответственность за нарушения правил въезда, пребывания и работы в России, полезные адреса и телефоны и т.д. Перспективной формой деятельности ФМС становится в последние годы участие в предотъездной подготовке мигрантов в странах происхождения. С 2009 г.в Кыргызстане и Таджикистане действуют представительства ФМС, которые совместно с национальными миграционными службами организуют курсы для потенциальных трудовых мигрантов (профессиональная подготовка, обучение русскому языку, знания о культурных традициях и нормах поведения в России и т.д.). По завершению обучения предполагается адресное трудоустройство выпускников, успешно освоивших рабочую специальность. Эта практика получила название "оргнабор", и въезжающие "по оргнабору" мигранты, естественно, чувствуют себя в России гораздо увереннее и комфортнее, чем те, кто едет работать в Россию на свой страх и риск. Однако, масштаб оргнабора пока крайне скромнен. В ФМС считают, что более активное привлечение к процессам интеграции трудовых мигрантов российских работодателей и соответственно расширение поля легального трудоустройства иностранных граждан может стать реальным условием улучшения ситуации в области взаимодействия между мигрантами и местными работниками.⁹

Диаспоры в России: интеграционный vs анти-интеграционный потенциал

В контексте разговора об интеграции мигрантов важно подчеркнуть значимость изучения процесса формирования в современной России мигрантских сообществ и диаспор, которые могут быть как проводниками политики интеграции, так и противодействовать ей.

Прежде всего подчеркнём, что диаспора – это часть народа (этноса) или группы народов (например, российская диаспора, которая состоит не только из этнических русских, но из представителей многих других народностей, являющихся коренными для России), расселившихся вне страны происхождения. Дальнейший рост диаспоры может происходить как за счет последующих переселений (по экономическим, политическим, этническим и другим причинам), так и за счет естественного прироста внутри самой диаспоры. Главными признаками, которые обуславливают существование той или иной диаспоры, являются знание родного языка, его изучение и сохранение для общения с соотечественниками и приобщения к культуре предков; стремление к объединению на основе самоопределения себя частичкой исторической родины (даже если и родился в другой стране) и самоидентификации своей культурной принадлежности; сопричастность к проблемам и интересам исторической родины.

⁸ <http://ria.ru/society/20121203/913188314.html>

⁹ Из интервью начальника Управления содействия интеграции ФМС России Т.А. Бажан 10 августа 2011 г.: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=47407

В России, которая веками была частью многонациональной страны, проживали и проживают многочисленные этнические общины представителей титульных народов бывших союзных республик, которые после распада СССР фактически стали зарубежными диаспорами армян, украинцев, азербайджанцев, казахов и т.д. Сейчас, когда в результате миграции этническое полотно России становится все более многоцветным, исключительно важно также понимание того, насколько эти общины могут способствовать интеграции мигрантов и сохранению гражданского мира.

Таблица 1, построенная на основании данных Всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 года, дает самое приблизительное представление о численности диаспор представителей бывших советских республик, проживающих в России. Следует учитывать, что информация об этнической принадлежности основывается на самоидентификации отвечающих. По тем или иным причинам человек может уклониться от ответа на вопрос о национальной принадлежности. Так, в 5,6 млн. переписных листов информация о национальности отсутствует. Однако за неимением другой официальной информации можно основываться и на этой. При этом следует учитывать, что по самооценкам диаспор, проживающих в России, их численность подчас в разы превышает данные переписи по этнической принадлежности. Так, Союз армян России определяет численность армянской диаспоры в России в 2,7 млн. чел.¹⁰, Союз грузин России дает оценку в 300 тыс. чел.¹¹, Ассоциация "Казахи России" оценивает численность казахов, проживающих в России, в 800 тыс. чел.¹² Есть оценки крупнейшей по численности украинской диаспоры в России в 4,5 - 5 млн. чел.¹³

Таблица 1. Численность населения России по этнической принадлежности (национальности), 2010 г. (выборочно)

	Численность
Общая численность населения	142.856.536
В том числе:	
Русские	111.016.896
Украинцы	1.927.988
Армяне	1.182.388
Казахи	647.732
Азербайджанцы	603.070
Белорусы	521.443
Узбеки	289.862
Таджики	200.303
Грузины	157.803
Молдаване	156.400
Киргизы	103.422
Национальность не указана	5.629.429

Источник: Данные всероссийской переписи населения Российской Федерации 2010 г.
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

¹⁰ <http://www.sarinfo.org/armw/?c=diasporas>

¹¹ <http://www.georgians.ru/default.asp>

¹² <http://russia.kazakh.ru/article/?a=8#1>

¹³ <http://www.pravoslavie.ru/analit/rusideo/rusvoprosukr.htm>; <http://www.zatulin.ru/institute/sbornik/016/01.shtml>

Важно понимать, что этнические диаспоры в России – это неоднозначное и сложное по структуре явление (Ивахнюк 2008). В самом общем виде каждая из диаспор представителей титульных народов бывших советских республик подразделяется на три группы.

Первая группа – это "старая диаспора", т.е. переехавшие в Россию, чаще всего из других республик прежде единой страны, еще в советские времена, а также их потомки, родившиеся в Российской Федерации, которые не просто являются российскими гражданами, но полностью интегрированы в российское общество. Это чаще всего представители интеллигенции и служащие.

Вторая группа – это "новая диаспора", т.е. те, кто переехали в Россию после развала СССР, в течение последних 15-20 лет, получили или собираются получить российское гражданство, приобрели недвижимость. Большинство из них не думают возвращаться на родину и ориентированы на интеграцию, но есть и такие, кто воспринимают Россию как временное пристанище и, даже имея российский паспорт, вернуться на родину, если экономическая и политическая жизнь там будет налаживаться.

Третью, самую многочисленную группу составляют трудовые мигранты, которые могут пребывать в России годами, но при этом не стремятся интегрироваться и связывают свою дальнейшую жизнь с возвращением на родину. Это особая часть этнического транснационального сообщества; сторонники узкого определения диаспоры вряд ли посчитают их частью диаспоры. Они живут обособленно, как правило, не принимают участия в деятельности общественных организаций "своей" диаспоры, но среди них есть предпринимательское ядро, осуществляющее посредническую функцию между прибывающими на заработки мигрантами и работодателями, которые часто представляют собой часть "новой диаспоры".

Такая структура прямо или косвенно подтверждена эмпирическими данными по азербайджанцам в России, армянам, молдаванам, таджикам. Диаспоры – не только социально-культурные образования. В последние годы в России они приобретают очевидный экономический смысл: на основе диаспор наблюдается формирование так называемого "третьего сектора" – этнического бизнеса. Пока он не получил освещения в российских исследованиях, прежде всего из-за отсутствия надежных статистических данных (одно из немногочисленных исследований – Бредникова и Паченков 2002), но был детально проанализирован, например, в США на примере кубинской диаспоры (см., например, Portes and Bach 1985). Этнический бизнес стимулирует приток мигрантов из своей страны, способствует встраиванию мигрантского труда в структуру экономики и тем самым становится частью общего механизма формирования устойчивого миграционного взаимодействия между странами.

Однако в деле интеграции мигрантов в принимающий социум этнический бизнес играет двойственную роль. Поскольку он представлен в основном предприятиями/фирмами, которые принадлежат представителю диаспоры и где заняты исключительно его земляки, здесь нет проблемы знания русского языка, а такие характеристики человеческого капитала, как образование и квалификация имеют значение только здесь, но никак не вне этнического бизнеса. Этнический бизнес нуждается в постоянном притоке мигрантов из своей страны, т.к. те готовы на самые низкие зарплаты в расчете на последующую вертикальную мобильность, и это обеспечивает компаниям конкурентные преимущества. Так что этнический бизнес зачастую становится механизмом, обеспечивающим приток нелегальной рабочей силы в Россию.

В то же время приобщение к своей диаспоре в России может означать для мигрантов дополнительные возможности адаптироваться в стране, получить информацию о возможностях трудоустройства, об оформлении необходимых документов, о получении медицинской помощи и т.д. Таким образом, диаспора может выступать посредником в деле адаптации и интеграции даже для временных трудовых мигрантов. Важно, чтобы диаспора содействовала адаптации

мигрантов, а не подменяла собой государственное регулирование миграционных процессов. Эксперты отмечают, что "между эффективностью государственного регулирования миграционных процессов и участием диаспор в таком регулировании подчас имеет место обратная пропорциональная связь" (Гаибназаров 2012: 341). Иными словами, в условиях, когда правила, устанавливаемые государственной миграционной политикой, являются непрозрачными, излишне усложненными или искусственно заточенными под коррупционные схемы, диаспора берет на себя регулиующую роль в информационном обеспечении вновь прибывающих мигрантов, создании коммерческих организаций по трудоустройству, создании постоянно действующего банка данных о вакансиях и условиях найма трудовых мигрантов, в решении вопросов их быта, условий труда, жилищных условий, охраны здоровья и т.д.

В зависимости от того, насколько практика диаспор в сфере предоставления миграционных услуг способствует формированию у мигрантов стремления к адаптации и интеграции в российский социум и соответственно формирует их взаимоотношения с местным населением, можно говорить об интеграционном или анти-интеграционном потенциале действий диаспоры (Пядухов 2012). Этот потенциал исследован на примере одного из регионов России - Пензенской области - на основе действующей в рамках диаспор инфраструктуры по оказанию услуг трудовым мигрантам. В процессе взаимодействия с мигрантами земляки-посредники, как правило, снабжают их достоверной информацией об особенностях пребывания в стране или ее конкретном регионе, возможных рисках, угрозах и способах их минимизации. Тем самым, они опосредованно выполняют для иностранных работников роль своеобразных социальных интеграторов, содействующих успешной адаптации в инокультурной среде, что становится особенно важным для прибывающих мигрантов в условиях, когда официальная миграционная инфраструктура не имеет должного развития.

При этом ряд действий, предпринимаемых диаспоральными посредниками, содействуют формированию *интеграционных установок* у мигрантов. Это: разъяснение иностранным работникам требований российского миграционного законодательства; содействие в оформлении разрешительных документов и легализации правового статуса; помощь в освоении русского языка; использование ресурсов социальных сетей диаспор для решения вопросов пребывания и трудоустройства мигрантов; взаимодействие с лидерами групп мигрантов, обеспечивающих контроль их пребывания и деятельности; неформальное покровительство и защита мигрантов. Одновременно диаспорой могут предприниматься действия, напрямую способствующие формированию *анти-интеграционных установок* у мигрантов в их взаимодействии с принимающим обществом. Это: теневые практики оказания услуг; недооценку значимости для мигрантов освоения русского языка; стремление организовать жизнь мигрантов в замкнутых микрогруппах, отчужденных от принимающего общества; завышенные тарифы на оплату услуг; трудоустройство к работодателям, практикующим принудительный труд, обман и нелегальный статус мигрантов; методы психологического давления на мигрантов (Пядухов 2012).

* * *

Надеемся, что очерченные нами некоторые теоретико-методологические подходы помогут получить лучшее представление о сущности политики интеграции, путях и возможностях интеграции мигрантов в России и окажутся востребованными для реализации новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации, в которой впервые интеграция мигрантов намечена важной составляющей миграционной политики.

Литература

- Аствацатурова М.А. (2002) Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов-на-Дону - Пятигорск: СКАГС.
- Бредникова О., Паченков О. (2002) "Этническое предпринимательство" мигрантов и мифы мультикультурализма // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. Институт этнологии и антропологии РАН, Институт философии РАН. М.
- Гаибназаров Ш.У. (2012) Роль диаспор в регулировании миграционных процессов // Миграционные мосты в Евразии. Сборник докладов и материалов участников II международной научно-практической конференции "Регулируемая миграция - реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом" и IV международной научно-практической конференции "Миграционный мост между Россией и странами Центральной Азии: актуальные вопросы социально-экономического развития и безопасности" (Москва, 6-7 ноября 2012 г.) Под ред. Рязанцева С.В. М.: Экон-информ.
- Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В. (ред.) (2010) Миграция и демографический кризис в России. М.: МАКС Пресс.
- Ивахнюк И.В. (2008) Евразийская миграционная система. Теория и политика // М.: МАКС Пресс.
- Ионцев В.А. (1999) Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ.
- Ионцев В.А. (1994) Диаспора // Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: Издательство "Большая Российская энциклопедия".
- Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. (2001) Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов.
- Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. (2011) Глобальные перспективы международной миграции и брачности. Возможен ли четвертый демографический переход? // Международная миграция населения: вызовы глобализации. Научная серия "Международная миграция населения: Россия и современный мир", выпуск 24. М.: ТЕИС.
- Космарская Н. (2003) "Русские диаспоры" — научный дискурс и низовые восприятия (статья вторая) // Диаспоры, № 4.
- Маликова Н. (2004) Этносоциальные проблемы конфликтогенности миграции в современной России. Научный доклад. М.
- Мукомель В.И. (2005) Миграционная политика России: постсоветские контексты. Институт социологии РАН. М.: Диполь-Т.
- Мукомель В.И. (2007) Методологические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства // Методология и методы изучения миграционных процессов. Под ред. Ж.Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований.
- Мукомель В.И. (2011) Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России, № 1, с. 34-50: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/analit01.php>
- Пядухов Г.А. (2003) Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза: ПГАСА.

- Пядухов Г.А. (2012) Диаспоры и социальные практики субъектов услуг в сфере трудовой миграции: региональный аспект: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/analit05.php>
- Топилин А.В. (2010) Взаимодействия миграционных и этнических процессов. М.: Экон-Информ.
- Тюрюканова Е.В. (ред.) (2011) Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М.: МАКС Пресс.
- ЮНИСЕФ (2011) Положение детей-мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский Фонд ООН. 168 с.
- Huddleston T., Niessen J., Eadaoin Ni Chaoimh, White E. (2011) Migrant Integration Policy Index III. The British Council and Migration Policy Group - Brussels.
- Massey D.S. and Sanchez R.M. (2010) Identity, Integration, and Future // Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times. New York: Russell Sage Foundation.
- Portes A. and Bach R.L. (1985) Latin Journey: Cuban and Mexican Immigrants in the United States. University of California Press, Berkeley and Los Angeles.